

Ши Цзю заснул на удивление быстро. Наяву он, кажется, никогда не спал так крепко, но здесь, прижавшись к бедру Чэнь Ая, он ощутил неожиданное, почти забытое чувство покоя.

Ровный гул мотора убаюкивал, и в какой-то момент Ши Цзю почудилось, будто он снова оказался в том самом поезде под названием «Сон о жёлтом просе». Он стоял посреди вагона, а за окном проносился искаженный, текучий мир — словно они подлетали к горизонту событий черной дыры. Даже собственные руки казались зыбкими, идущими мелкой рябью, как поверхность воды под легким ветром.

Он медленно двинулся вперед, пытаясь добраться до кабины машиниста, но звуки, точно чьи-то невидимые руки, тянули его назад, не давая сделать ни шага. Автобус, поезд... образы путались, а гул в ушах всё не смолкал. Постепенно хаотичный шум сменился музыкой, наполнившей вагон до краев. Мелодия была до боли знакомой — Ши Цзю даже начал подпевать, но тут автобус подскочил на «лежащем полицейском». Резкий толчок заставил тело качнуться, и юноша мгновенно очнулся.

В салоне было темно. Кто-то задернул шторы на окнах, отсекая ночную мглу. Несмотря на тряску, Ши Цзю чувствовал себя отдохнувшим.

Заметив, что он проснулся, Чэнь Ай убрал руку с его волос и негромко произнес:

— Можешь еще поспать.

— Не хочу, — Ши Цзю выпрямился.

Кажется, они почти приехали. Юноша отодвинул край шторы и выглянул в окно: снаружи царил непроглядная тьма. Вспомнив о чем-то важном, он задал вопрос, который терзал его всё последнее время:

— Зачем ты туда приехал? Разве ты не боишься заразиться?

Чэнь Ай едва заметно шевельнул губами:

— Всё в порядке. Кто-то должен был это сделать. Не я, так другой.

В глубине души он признавал, что волнение всё же было, но говорить об этом вслух не считал нужным. Да и какая теперь разница?

Именно эту сцену застал Хэ Вэй, когда подошел к ним: двое сидят на последнем ряду почти вплотную друг к другу; у Ши Цзю глаза слегка покраснели со сна, и он ошеломленно смотрит

на Чэнь Ая, а тот сидит с привычно безупречной осанкой. Картина до боли напоминала ссору любовников, где один упрекает, а другой хранит ледяное молчание.

В голове Хэ Вэя в мгновение ока пронеслись сотни догадок. Он вспомнил их недавний разговор с Ши Цзю, вспомнил имя, которое тот выводил в блокноте в одну из ночей в тюрьме. Наконец он издал какой-то нечленораздельный звук и ошарашенно выдал:

— Так вот оно что... Значит, господин Чэнь и есть тот самый...

Ши Цзю со спросонья соображал туго. Услышав голос друга, он поднял на него покрасневшие глаза и непонимающе переспросил:

— Тот самый?

Чэнь Ай промолчал, и тогда Хэ Вэй, заикаясь от волнения, выпалил:

— Тот самый возлюбленный Девятнадцатого... М-м-м!

Ши Цзю, к которому мгновенно вернулась былая прыть, подскочил и зажал ему рот ладонью.

— Не неси чепухи! — в панике зашептал он.

Если это услышат другие, оправдаться будет невозможно. Юноша и представить не мог, как Хэ Вэй умудрился связать эти две вещи. Неужели этот ледяной Чэнь Ай похож на человека, способного на романтические чувства?

Сам же Чэнь Ай лишь холодно наблюдал за их возней.

***

Автобус остановился в их жилом квартале. Люди один за другим выходили на тротуар. Свежий ночной воздух города, пахнувший бетоном и прохладой, наконец-то вытеснил из легких тяжелый дух тюрьмы.

Перед тем как расстаться, Чэнь Ай еще раз напомнил всем о необходимости оставаться дома и не вступать в контакты.

— Господин Чэнь, а это не вызовет проблем? Как отреагирует Властитель? — почтительно осведомился водитель.

Цзи Шуйфэн, крепко державшая связанного Лин Чаоцзяня, ответила вместо него:

— Не беспокойтесь. Мы сами с ним переговорим.

— Благодарю вас, госпожа Цзи, господин Чэнь.

Цзи Шуйфэн добавила, что дождется здесь машину из Центра безопасности, чтобы сдать преступника в тюрьму Центра цивилизации. После этого она планировала запереться у себя дома на карантин.

— Если я почувствую, что начинаются галлюцинации или разум затуманивается, я сообщу в Центр управления безопасностью, — буднично проговорила она. — Когда станет полегче — заберете мой труп.

Ши Цзю последовал за Чэнь Аем.

Когда он снова оказался в этом уютном маленьком доме, всё случившееся в тюрьме внезапно показалось нереальным, словно дурной сон. Он до сих пор не мог осознать, на что способны дети, оказавшиеся в таких условиях. Какова истинная природа человека, лишённого цивилизации? Что станет с людьми, если остановить их материальную эволюцию?

В квартире горел свет, работал телевизор — видимо, хозяин уходил в такой спешке, что забыл всё выключить. Теперь же Чэнь Аю было просто лень этим заниматься.

Ши Цзю по-хозяйски направился к шкафу Чэнь Ая. Одежды там было немного, в основном всё черное, изредка попадались белые или серые вещи, которые тот, кажется, никогда не надевал. Среди них обнаружилось несколько домашних костюмов, один из которых Ши Цзю и вытащил.

— Позаимствую твою одежду в качестве пижамы, — бросил он Чэнь Аю, стоявшему в гостиной.

Тот окинул его косым взглядом:

— Ты и впрямь чувствуешь себя здесь как дома.

Ши Цзю юркнул в ванную, но тут же снова высунул голову.

— К чему церемонии? Можешь считать мой дом своим, я не против, — усмехнулся он.

Чэнь Ай подумал, что этот юноша ведет себя слишком уж бесцеремонно.

Ши Цзю с наслаждением принял горячий душ — первый за долгое время. Он выкрутил температуру до предела, пока всё пространство ванной не заполнилось густым белым паром. Сначала он пытался что-то напевать, но мелодия быстро заглохла.

Ванная комната была воплощением лаконичности. Все вещи в единственном экземпляре, разложены с пугающей аккуратностью — хозяин явно страдал от некоего подобия перфекционизма. В этом интерьере полностью соответствовал характеру владельца.

Когда Ши Цзю, обернувшись в полотенце Чэнь Ая, вышел в комнату, тот как раз разговаривал по телефону. Видимо, не заметив появления гостя, он включил громкую связь.

— Ты судишь слишком поверхностно. Выпустить их раньше — это одно, но ты спрашивал тех, кто сейчас пытается вернуться к нормальной жизни? Да, я рублю сплеча! То, что я до сих пор не отправил тебя в изолятор, уже является злоупотреблением полномочиями с моей стороны! Я скажу прямо: наше решение направлено на то, чтобы превратить все риски в невозможность. Только так можно гарантировать безопасность большинства! Массовая изоляция сама по себе опасна, лекарства выдаются ежедневно. Если болезнь прогрессирует — что ж, это естественный отбор! — голос Янь Вэя, звучащий из динамика, был безжалостен.

Похоже, Чэнь Ай не ожидал такого ответа. Он стоял у окна, плотно сжав губы, и долго молчал, глядя в ночную пустоту. Янь Вэй же продолжал настаивать на своем:

— Твоя история про детей-убийц — не более чем трагическая случайность. Неужели ты не понимаешь? Болезнь мнимой подозрительности — это главное препятствие на пути Эндено к высшей цивилизации! И мы обязаны пресечь её распространение любой ценой!

На этом он повесил трубку.

Ши Цзю подумал, что Янь Вэй, возможно, и любит граждан Эндено, но в его сердце нет ни капли милосердия.

Чэнь Ай отложил телефон и тяжело вздохнул. Прошло немало времени, прежде чем он обернулся. Увидев Ши Цзю в своей одежде, которая была ему велика на пару размеров и мешковато висела на плечах, он произнес:

— Спи в спальне.

Ши Цзю промолчал, но тут же перешел к действиям. Он подошел к Чэнь Аю и начал подталкивать его в сторону спальни.

— Хватит уже этих церемоний. Мы достаточно знакомы, чтобы не делить кровать. Будем спать вместе.

Чэнь Ай мельком взглянул на него и глухо обронил:

— Хорошо.

Эта привычка Ши Цзю игнорировать любые границы не вызвала у Чэнь Ая раздражения, хотя он понимал: веди себя юноша так с кем-то другим, это могло бы закончиться плохо. «Надо будет обсудить это с ним», — мелькнуло в голове у Чэнь Ая.

***

На следующий день Янь Вэй совершил весьма расчетливый ход. Он выступил с официальным обращением к гражданам Эндено, публично извинившись. Он заявил, что до него дошли слухи о трагедиях в изоляционных лагерях, и выразил глубочайшее сожаление, что разработанные лекарства не смогли спасти всех. Янь Вэй сокрушался, что даже спустя двести лет медицина бессильна перед этим недугом. Однако он пообещал, что по окончании месяца карантина все граждане, сохранившие рассудок, вернутся домой. Кроме того, каждому полагалась компенсация от Центра цивилизации, которую можно было получить как в золотых листах, так и иным способом.

Ши Цзю и Чэнь Ай сидели на диване, глядя в экран. Юноша, устроившийся в своей привычной расслабленной манере, досмотрел запись и негромко поаплодировал:

— Потрясающая игра. Он справляется даже лучше, чем я.

Комментарии в сети были по большей части положительными. Граждане с пониманием отнеслись к действиям властей — ради спасения большинства можно пожертвовать немногими, тем более что эти немногие сами готовы принести себя в жертву цивилизации.

Это напоминало грандиозный спектакль. Но когда зрители сами жаждут обмана, ложь становится единственной формой честности.

Чэнь Ай нахмурился и со вздохом произнес:

— Иногда я чувствую полное бессилие. Я вижу реальность, понимаю, что он совершает непростительные вещи. Я выкладываю ему все карты, говорю, что знаю о его интригах, а он просто соглашается: «Да, всё так и есть. Я сделал это намеренно. И что ты с этим поделаешь?»

Это чувство преследовало его всю жизнь, с самого детства. Ощущение того, что ситуация окончательно вышла из-под контроля.

Но даже в обмане есть огромная разница между добровольной верой и вынужденной. Граждане доверяют Центру цивилизации, потому что их убедили: принимаемые меры выгодны большинству. Они не видят, какие корыстные цели скрываются за этим фасадом.

— Чего на самом деле хочет Янь Вэй? — спросил Ши Цзю.

Чэнь Ай ответил не сразу:

— Я не уверен до конца. Но, как я уже говорил, он жаждет абсолютной власти. Той самой формы правления, что существовала двести лет назад. Изначально Закон о властителях давал право вести народ за собой, но он хочет превратить это кресло в трон единоличного диктатора.

Ши Цзю присвистнул:

— То есть он хочет стать новым императором?

— Именно, — Чэнь Ай нахмурился, раздумывая, стоит ли посвящать юношу в свои тайны. Поколебавшись, он всё же продолжил: — Все эти годы я расследовал одну вещь.

— Какую?

— Анти-эволюцию «Истока», — четко выговорил Чэнь Ай.

Слова были понятными, но в контексте нынешней цивилизации они звучали дико. Ши Цзю почувствовал, как по коже пробежал мороз.

— Анти-эволюция? — тихо повторил он. Это слово было подобно глубинной бомбе: взрыв где-то в пучине поднял огромную волну, которая еще не успела показаться на поверхности. — Разве Эволюция «Истока» не стала тем самым законом, что спас Эндено от войн? Кто может быть против?

— Речь не о чем-то протесте. Я и сам не знаю, что это такое. Это понятие, его смысл, содержание — всё покрыто мраком.

Чэнь Ай не мог в полной мере передать то чувство, которое испытал много лет назад, подслушав разговор Янь Фэй и Янь Вэй.

Тогда Янь Вэй считал Чэнь Ая своим самым способным учеником. Несмотря на таланты семьи Цзи, он сделал ставку именно на него, желая вырастить преданного помощника, который стал бы вторым человеком в государстве.

Но Чэнь Ай никогда не стремился к власти. Он давно раскаялся в порывах юности, особенно после того как узнал о денежных махинациях Янь Вэй и Шань Хэ. Он мечтал разорвать все связи с семьей Янь, и именно тогда он услышал ту беседу.

«У Чэнь Ая необычный характер и воля, — говорил Янь Фэй. — Приглядывай за ним. Не отпускай далеко, лучше держи прямо перед глазами».

«Не волнуйся, я знаю», — отвечал Янь Вэй.

«Это важно. И еще: об Анти-эволюции «Истока» не должен знать никто. Особенно этот мальчишка из семьи Чэнь. Категорически. Эта история закончена, забудь о ней».

Тогда Чэнь Ай впервые услышал этот термин. Он был поражен и заинтригован, но больше всего его мучил вопрос: почему именно его кандидатуру выделили особо? Неужели это как-то связано с ним лично?

Он искал информацию в архивах, осторожно наводил справки, но за долгие годы не нашел ни одной зацепки. Он понимал, что следы ведут в Центр цивилизации, к самому Янь Вэю. Поэтому, даже пройдя через невыносимые страдания, он решил затаиться. Он выпросил у Янь Вэя должность Хранителя, рассудив здраво: раз дело касается эволюции, начинать нужно с лаборатории «Исток».

Ши Цзю перестал раскачиваться на диване и сел прямо, скрестив ноги.

— Если Янь Вэй жаждет диктатуры, то Анти-эволюция — блестящая идея. Как только люди лишатся возможности общаться сознанием, между ними снова вырастут стены. Вернется подозрительность, а это идеальная почва для тирании. В одной книге я читал: «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила».

Юноша на мгновение задумался.

— Но такой план действительно нельзя разглашать. Однако непонятно другое: почему это скрывали именно от тебя? Ведь ты, Цзи Шуйфэн или Цзи Шаньюэ — люди одного круга, способные поднять бунт. Почему именно ты под запретом?

Чэнь Ай лишь покачал головой. Именно этот вопрос не давал ему покоя.

— Значит, это касается тебя лично, — заключил Ши Цзю, пристально глядя на собеседника. — Ты когда-нибудь делал что-то, что он мог использовать в своих интересах? Может, выполнял поручение, истинный смысл которого от тебя скрыли?

— Нет, — отрезал Чэнь Ай. Он прекрасно помнил каждую деталь своего прошлого.

Он перебрал множество вариантов, но истина словно была вырвана из истории с корнем. Ни свидетелей, ни записей. Как сказал когда-то Янь Фэй: «Этого никогда не было».

Ши Цзю на мгновение задумался и нерешительно спросил:

— Как ты думаешь, можно ли донести это до граждан?

Чэнь Ай покачал головой:

— Вспомни того человека, что сжег себя на площади.

Ши Цзю покрепче сжал наброшенный на плечи плед.

— Всё возвращается на круги своя.

Прозрачность мышления заставила людей слишком доверять друг другу. Если кто-то скажет, что мысли верхушки Центра цивилизации — ложь, ему просто не поверят. Кто может допустить, что общение сознанием бывает поддельным? Эту ложь невозможно опровергнуть словами. Нужно искать другой путь.

Ши Цзю твердо посмотрел на Чэнь Ая:

— Чтобы люди поверили, им нужны факты. Не слова, а неопровержимые доказательства.

Если одна часть системы — ложь, значит, есть и другие. Непрозрачность сознания лидеров — лишь первый симптом. Ложь — это гигантское кольцо Мёбиуса, и им нужно найти хотя бы одно слабое звено в этой цепи.

Чэнь Ай молчал, глядя на него, но Ши Цзю видел в его голубых глазах полное доверие.

Юноша внезапно почувствовал, как напряжение покидает его. Он вспомнил их первую встречу, когда Чэнь Ай не верил ни единому его слову. Тогда в его взгляде была лишь холодная подозрительность. А теперь всё изменилось.

Чэнь Ай разделял его мысли, но заговорил совсем о другом:

— Кажется, этот сон стал волновать тебя куда больше, чем раньше.

Ши Цзю невольно улыбнулся, понимая, что его спутник всё еще не может смириться с теорией о «сне». Он шутливо ткнул Чэнь Ая кулаком в плечо:

— Ну, это ты зря. Я просто передумал. Всё, что я здесь пережил — реально. Моё детство, учеба, друзья, работа в галерее... А потом — Эндено, драки, арест, ранение, возвращение домой. Каждый миг я чувствовал кожей и сердцем. Боль от пули была настоящей. Если чувства не лгут, то как понять, где заканчивается реальность и начинается сон? Может, вся моя жизнь — это лишь видение перед лицом смерти? Поэтому я решил: раз мои ощущения реальны, я буду проживать их искренне.

Чэнь Ай невольно усмехнулся:

— Я же говорю — отчаянная голова.

Ши Цзю обхватил колени руками и, положив на них подбородок, одарил его самой лукавой из своих улыбок:

— Хочешь увидеть, на что еще способна эта голова?

<http://bllate.org/book/16109/1589292>